

В. Г. Белинский

**Литературный разговор,
подслушанный в
книжной лавке**

Виссарион Белинский

**Литературный разговор,
подслушанный в книжной лавке**

«Public Domain»

1842

Белинский В. Г.

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1842

«А! это вы? насилу-то мы с вами встретились! Ну, что, как? Здоровы ли? что нового?»... Так один молодой человек, давно уже сидевший в книжной лавке с книжкою «Библиотеки для чтения» в руках, приветствовал другого, только что вошедшего в лавку, с живостию бросившись к нему навстречу и с жаром пожимая ему руку. Этот молодой человек давно уже поглядывал на меня с явным желанием заговорить со мною, — должно быть, о статье, которую читал. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что он и улыбался, и смеялся; по временам с уст его слетали неопределенные восклицания...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке

*Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться:
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться!^[1]*

Державин

«А! это вы? насилу-то мы с вами встретились! Ну, что, как? Здоровы ли? что нового?»... Так один молодой человек, давно уже сидевший в книжной лавке с книжкою «Библиотеки для чтения» в руках, приветствовал другого, только что вошедшего в лавку, с живостию бросившись к нему навстречу и с жаром пожимая ему руку. Этот молодой человек давно уже поглядывал на меня с явным желанием заговорить со мною, – должно быть, о статье, которую читал. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что он и улыбался, и смеялся; по временам с уст его слетали неопределенные восклицания. Он даже заговаривал со мною о погоде; но я, не любя заводить знакомств (ибо у нас на Руси разменяться с незнакомым человеком двумя-тремя фразами о погоде – значит иногда нажать приятеля и «моншера»), отделался от него неопределенным «да» и т. п. Тем живее была радость молодого человека при виде знакомого, с которым он давно не видался и которому мог излить ощущения, возбужденные в нем статьею. У них сейчас же завязался живой разговор, который показался мне столь интересным, что я почел не излишним довести его до сведения публики. Описание наружности и характера обоих персонажей этой маленькой сцены несколько не послужило бы к ее уяснению, и потому заметим только слегка, что молодой человек, встретивший с такою живостию своего знакомого, был несколько вертляв, говорил скоро и громко, как бы у себя дома, а лицо его казалось совершенным выражением легкости и добродушия; знакомый же его отличался от него какою-то холодною важностью в речи и в манерах. Чтоб лучше следить за их разговором, назовем первого господином А., а другого господином Б.

А. Что нового? – Да ведь вы знаете, что я всегда запасался им от вас же. Вы, кажется, что-то читали в «Библиотеке для чтения»?

Б. Ах, да! – статью о «Мертвых душах». Чудо, прелесть! В иных местах хотя и вздор, но зато какое во всем остроумие! Такой статьи давно не бывало! Вот уж можно сказать: *писана желчью...*^[2]

А. Да, правда...

Б. Жанен! Решительный Жанен!

А. Ну, уж вот этого-то я и не скажу. Жанен – болтун; чрезвычайный успех его основан на легкости и на отсутствии всяких твердых и глубоких нравственных начал в обществе, для которого он болтает нынче совсем не то, что болтал вчера, а завтра будет болтать совершенно противное тому, что болтал вчера;^[3] но Жанен все-таки болтун остроумный, и при другом обществе он мог бы сделать из своего таланта лучшее, благороднейшее употребление. Но каков бы ни был Жанен и теперь, его болтовня всегда блещет умом и остроумием, хоть и совершенно внешними, и отличается *тоном порядочных людей*. Остроумие Жанена заключается совсем не в том, чтоб, выписав из разбираемого романа несколько фраз, плоских потому именно, что они вложены автором в уста изображаемого им человека дурного тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: *такие периоды настоящие свинтусы!* Истинное остроумие, хотя бы и легкое и мелкое, не искажает умышленно предметы, чтоб возбудить во что бы то ни

стало грубый смех площадной толпы: оно находит смешное в своей манере видеть предметы, не уродя их.

Б. Это, пожалуй, и так; да ведь дело-то в успехе, и *bien rira que rira le dernier!*¹ Осуждать такое остроумие могут многие с большою основательностью; а острить так сами едва ли могли бы, если б и хотели.

А. По крайней мере нужна для этого большая решительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смешную нелепицу, – все расхохочутся, и никто не захочет наводить справки, правду вы сказали или ложь. Повторяйте такие выдумки чаще и насчет всех и каждого: вас будут презирать, а слушать и смеяться не перестанут. Но всему есть мера и границы. Одно и то же надоедает, а выдумывать целую жизнь разнообразные литературные лжи невозможно, и как скоро заметят, что вы повторяете самого себя, то перестанут и смеяться, начнут зевать. Это я говорю не по отношению к журналу, а как общую истину, которая удобно прилагается ко многим житейским делам.

¹ Хорошо смеется тот, кто смеется последним. – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Цитата из стихотворения Державина «Вельможа».

2.

Статья Сенковского о «Мертвых душах» («Библиотека для чтения», 1842, N 8), в которой утверждалось, что «Мертвые души» – бездарное, пошлое произведение, ничего общего не имеющее с русской действительностью, написанное к тому же безграмотно, уродливо искаженным русским языком. Для «доказательства» Сенковский не останавливался даже перед неверным цитированием гоголевского текста, искажением имен персонажей. По словам Чернышевского, у Сенковского имелись еще особые причины быть недовольным автором «Мертвых душ». Сенковский видел в Гоголе как юмористическом писателе своего соперника. Кроме того, он был сильно уязвлен статьей Гоголя в пушкинском «Современнике» «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» («Очерки гоголевского периода», Полн. собр. соч., М., 1947, т. III, 70).

3.

Очевидно, надо читать: «а завтра будет болтать совершенно противное тому, что болтал нынче» (см. изд. Солдатенкова и Щепкина, ч. VI, стр. 502).